

Чу Чанси, закончив встречу с несколькими сановниками, вернулся во внутренние покои и увидел, что на его кровати лежит погруженный в беспамятство главный герой. За окном сияла луна среди редких звезд, а в комнате дрожали свечи, отбрасывая тяжелые, причудливые тени.

— Похоже, только здесь Ваше Величество может спать спокойно, поэтому ваш слуга взял на себя смелость устроить вас именно здесь, — проговорил Ван Цин, склонившись в поклоне. В его словах слышалось извинение и робкая, осторожная надежда.

В этой комнате витал аромат господина Чу. Ван Цин надеялся, что, если Его Величество пожелает остаться здесь, господин Чу, возможно, тоже согласится задержаться, чтобы составить ему компанию.

Однако Чу Чанси сохранял невозмутимость. Его лицо, казалось, сливалось с бледным лунным светом, заливавшим окно:

— Его Величеству нужно как следует отдохнуть, так как он ранен. Я могу переночевать в другом месте.

Он уже собрался уходить, но стоило ему повернуться, как чья-то рука, принадлежавшая спящему, судорожно вцепилась в его запястье. Чжао Цзиньюй по-прежнему не открывал глаз, но, в отличие от того, что было в карете, сейчас он сжал руку так крепко, что на запястье Чу Чанси остались красные следы.

— Это... — Ван Цин в ужасе побледнел. В его глазах Его Величество, даже лишившись рассудка, никогда бы не причинил вреда господину Чу. Он поспешно принялся оправдываться: — Должно быть, это из-за бреда... Он не хотел...

Чу Чанси перевел взгляд на эту руку. Лицо Чжао Цзиньюя, которое только что казалось безмятежным, вдруг исказилось от невыносимой муки. Его брови глубоко сошлись к переносице, словно он был объят великим ужасом. В его облике читалось и неверие, и горестное отчаяние, а из горла вырывались всхлипы, напоминавшие предсмертный стон детеныша зверя. Он вцепился в руку Чу Чанси изо всех сил, дрожа от страха и паники.

Возможно, от чрезмерного напряжения разошлись раны: на свежем белом исподнем проступили пятна крови, быстро расползаясь вширь. Он лежал на кушетке, пытаясь всем телом податься вперед, к Чу Чанси.

Эта картина предсмертной агонии и жалкой беспомощности разительно отличалась от образа того мрачного, свирепого и жестокого правителя, которого Чу Чанси встретил, вернувшись в этот мир. Сейчас в нем, казалось, не осталось ничего, кроме скорби и бездонного отчаяния.

Это было странно.

Система тоже почувствовала неладное. Пролистав записи архива, она отозвалась:

— О боже, главный герой видит сон. Ему снится, что ты собственноручно убиваешь его ради этого Третьего принца.

Чу Чанси лишь промолчал.

У Чжао Цзиньюя из уголков губ тоже сочилась кровь, окрашивая бледные губы в пугающий алый цвет. В отблесках свечей его лицо выглядело особенно свирепым, а ресницы мелко дрожали, когда он выдавил из себя хриплый стон:

— Чанси, прошу... хотя бы... не убивай меня собственной рукой... Умоляю...

Неужели Его Величество считает, что господин Чу способен его убить?

Ван Цин хотел было броситься вперед, чтобы разбудить государя, пребывающего в плену кошмара, но, видя стоявшего рядом господина Чу, не решился. Чунь Ши, державшая поднос с густым черным отваром, едва не выронила его от потрясения.

Как господин Чу может убить Его Величество? О чем только думает государь?

Ведь последние дни господин Чу и Его Величество жили душа в душу, словно небожители, так почему же малейшая размолвка приводит к таким катастрофическим последствиям? Почему вопрос стоит так остро: либо жизнь, либо смерть?

Чу Чанси не произнес ни слова. Он некоторое время смотрел вниз, и его лицо, холодное, как иней, словно подернулось льдом. В его облике, всегда лишенном земных страстей, мелькнуло нечто иное. Он медленно и с усилием разжал пальцы на своем запястье. Чжао Цзиньюй, словно осознав, кто перед ним, не стал сопротивляться и безнадежно выпустил его руку.

Чу Чанси развернулся и ушел.

Ван Цин хотел было заступиться, но холод, исходивший от него, заставил его замереть на месте.

Освободившаяся рука Чжао Цзиньюя в воздухе судорожно схватила пустоту и бессильно упала вниз — так же, как и тогда, пять лет назад, когда Чу Чанси оставил его.

Чжао Цзиньюй, тебе его не удержать.

Ни пять лет назад, ни сейчас. Неважно, потерял он память или нет, он не любит тебя и никогда не полюбит.

Он способен убить тебя ради другого.

— Нет, этого не может быть. Как такое возможно?

Разве у Чанси совсем нет ко мне чувств? Ведь были же у нас и счастливые дни.

Весь мир окутан вьюгой. Сильный ветер треплет длинные волосы и одежды. В груди Чжао Цзиньюя зияет кровавая дыра, кровь льется не переставая, ослепительно ярко выделяясь на бескрайних снегах.

Он оцепенело смотрит на удаляющуюся фигуру, чувствуя, что боль в груди невыносима — он уже не понимает, рана это болит или сердце.

Удар мечом в грудь — это не просто боль. Казалось, лезвие до сих пор проворачивается в плоти, дюйм за дюймом, словно пытка медленного разрезания на куски.

Не в силах больше держаться, он согнулся, прижимая ладонь к кровавой дыре, но разве можно ее прикрыть? Кровь сочилась сквозь пальцы. Он закашлялся, и во рту мгновенно появился привкус железа. Огромные алые пятна расплзались по белому снегу.

Он медленно осел, прижавшись лицом к окровавленному льду. Его глаза, застилаемые кровавой пеленой, были полны слез, но он из последних сил тянулся взглядом к той белой фигуре, что сливалась с заснеженным миром.

Фигура не оглянулась. Казалось, она никогда не оглянется.

— Как же так? Ведь у нас были и светлые времена.

В тот год, спустя два месяца после того, как Чу Чанси согласился на его просьбу, в самый разгар цветения, Чжао Цзиньюй потащил его под дерево, чтобы закопать кувшин собственноручно приготовленного вина. Закопав его, он присел на корточки и, подняв голову, спросил:

— Когда в следующем году вино будет готово, мы поженимся?

— Нельзя жениться, — Чу Чанси стоял в развевающихся белых одеждах, осыпанный красными лепестками, которые срывал ветер. Он смотрел на него сверху вниз, и глаза его были чисты, как горный ручей.

— Почему нельзя? Мужчины в Великом Чжао могут вступать в брак с шестнадцати лет, а мне до восемнадцатилетия осталось всего несколько дней.

Чжао Цзиньюй поднялся. В лесу кружились лепестки, словно с небес сыпались цветы, и очертания лица стоящего перед ним человека казались пугающе прекрасными.

— Мужчина с мужчиной... — начал было Чу Чанси.

Чжао Цзиньюй смотрел на него, затаив дыхание:

— Но разве Чанси не обещал быть со мной? Если не поженимся, то когда же мы сможем...

— Сможем что? — лицо Чу Чанси, лишенное мирских желаний, впервые выразило любопытство.

— Сможем стать еще ближе, — Чжао Цзиньюй нежно улыбнулся, стряхивая лепестки с плеч Чу Чанси, а затем взял его за руку и коснулся губами его губ. Юноша в зеленом халате сиял от

счастья: — Еще ближе, чем так.

Чу Чанси на мгновение замер, словно понял смысл, и лишь после долгого молчания ответил:

— Кажется, ты еще несовершеннолетний.

— Что значит несовершеннолетний? У простых людей в моем возрасте уже дети есть.

Чу Чанси: «.....»

Чжао Цзиньюй, видя, что тот молчит, подумал: если он так и не согласится, то быть ему монахом всю жизнь. Он уже готов был уступить, но вдруг заметил, как уголки губ человека, чье лицо всегда было холодным, как вечные снега на вершине горы, едва заметно дрогнули. Это длилось лишь мгновение, и он решил, что ему просто померещилось.

Чжао Цзиньюй даже заикаться начал:

— Чанси, ты... ты улыбнулся?

— Тебе показалось, — Чу Чанси развернулся и пошел прочь. Сделав несколько шагов, он обернулся и, видя, что тот стоит на месте, спросил: — Сколько дней осталось до твоего дня рождения?

Чжао Цзиньюй, решив, что все еще находится в каком-то наваждении, деревянно ответил:

— Пять дней.

— Значит, через пять дней станешь совершеннолетним.

Через пять дней? Что это значит? Это значит, что можно будет... с ним?

Чжао Цзиньюй не только решил, что находится в иллюзии, но и подумал, что у него начались слуховые галлюцинации. Лишь после того дня рождения, когда он начал снимать с него одежду и тот не стал противиться, он понял, что не бредил.

В ту ночь он выпил крепкого вина для храбрости, а Чанси позволил лишь своего цветочного вина. Живя с ним столько лет, Чжао Цзиньюй изучил его предпочтения. Чанси не любил крепкий алкоголь, говоря, что от него легко опьянеть, потерять сознание и стать марионеткой в чужих руках. Он предпочитал ароматные фруктовые и цветочные настойки.

Но Чанси не знал, что от цветочного вина тоже хмелеют. В ту ночь в покоях принца еще не догорели красные свечи, полог кровати колыхался, и Чжао Цзиньюй, лежа под Чанси, глядя на его раскрасневшееся лицо, не мог понять, от красных ли свечей оно такое или от хмеля.

Он, сдерживая дыхание, протянул руку и сплел прядь своих волос с его прядью:

— Сплели волосы, стали супругами, в ночь свадьбы при свечах.

...

В тот год в области свирепствовала эпидемия, погибло множество людей. Печальные вести достигли столицы, но лекарства не было, и болезнь распространялась всё дальше. Чиновники приказали закрыть города и сжечь деревни, чтобы остановить заразу, но погибло еще больше людей, включая тех, кто даже не был болен. Услышав об этом, Чу Чанси вызвался найти рецепт и излечить болезнь. Чжао Цзиньюй хотел поехать с ним, но Чу Чанси строго отказал. Не желая его злить, но беспокоясь за его безопасность, Чжао Цзиньюй все же тайком последовал за ним.

Чу Чанси тогда исписал множество рецептов, пытаясь найти замену редким ингредиентам, и постоянно испытывал лекарства на себе. Узнав об этом, Чжао Цзиньюй, не сдержавшись, раскрыл свое присутствие, подошел к нему и спросил:

— Какое лекарство ты хочешь испытать? Давай я.

Увидев его, Чу Чанси не удивился, словно давно знал, что тот смешался с ополченцами. Он ополоснул кисть в чаше для воды и равнодушно произнес:

— Это опасные испытания, можно лишиться жизни.

— А разве ты не можешь лишиться жизни?

Голос Чу Чанси прозвучал удивительно спокойно:

— Нет.

Чжао Цзиньюй, в отчаянии и гневе, крепко обнял его, всхлипывая:

— Позволь мне попробовать. Что станет с моей жизнью?

— Ты не можешь умереть.

Чу Чанси отстранил его, повесил кисть на подставку, взял новые рецепты и вышел собирать травы, не желая с ним разговаривать.

Позже Чжао Цзиньюй специально заразился, чтобы слезь у него на глазах. Тогда Чу Чанси, глядя на него сверху вниз, холодно произнес:

— Чжао Цзиньюй, почему ты не слушаешься?

В тот момент он подумал: он бы и рад слушаться, но как он может позволить любимому человеку рисковать собой? Он лучше примет муки на себя, лучше умрет, лишь бы тот был в безопасности.

Позже, глубокой ночью, в полубреду он услышал, как Чанси о чем-то спорил с кем-то у его постели.

Чу Чанси: «Если не удастся испытать — придется пробовать снова. Если он умрет, этот мир рухнет, и все мои усилия будут напрасны».

Что значит мир рухнет?

«Раз этот мир выстроен на подобию реального, то то, что есть в нашем мире, должно быть и

здесь. Нужно пробовать еще».

Что значит реальный мир?

«Продолжать пробовать, рано или поздно мы найдем».

Чжао Цзинъюй понимал всё меньше, не зная, с кем говорит Чанси, но он чувствовал, что тот делает всё возможное, чтобы спасти его. Он ощущал покой, и даже если бы ему суждено было умереть, он считал, что это того стоило...

...

Чу Чанси вышел из комнаты, увидев, что Система показала ему архивную запись — именно те сцены, о которых думал главный герой. Он бросил лишь беглый взгляд и слегка нахмурился:

— Выключи.

Система убрала экран и проворчала:

— О чем еще думать, как не о том, что хозяин его убьет? Так ему и надо, пусть помучается!

Чу Чанси проигнорировал Систему, не желая продолжать тему. Он вернулся в боковую комнату, переоделся, но не лег отдыхать, а взял книгу и сел у окна, зажигая светильник.

Система удивилась:

— Хозяин, что ты делаешь?

— Жду человека.

— Кого?

— Е Фэна.

Тот самый молодой генерал, который провожал сановников? Зачем ему идти к хозяину?

...

Е Фэн, стоило ему подумать, что господин Чу мог узнать что-то от Чэнь-вана или даже восстановить память, покрывался холодным потом. Он был в полной растерянности.

Он вспомнил, что на прогулочном судне Чу Чанси спас ему жизнь, а он еще не успел его отблагодарить. Проводив сановников, Е Фэн поспешил обратно во дворец Чжикуй. Он увидел, что Чу Чанси уже переоделся в привычные белые одежды, его длинные волосы рассыпались по плечам, как водопад. Он сидел у окна, читая книгу. За окном висел серп луны, а пламя свечи на столе окрашивало его лицо в нежный оттенок.

Система:

— Как ты и предсказывал, этот юный генерал вернулся.

Чу Чанси, услышав голос Системы, поднял взгляд от книги на вошедшего и спросил:

— У господина Е есть еще дела?

Хотя Е Фэн уже привык к неземному облику господина Чу в белом, каждый раз он все равно терял дар речи. Человек перед ним казался сотканным из лунного света. Е Фэн отвел взгляд, не в силах сдержать сердцебиение, и уставился на книгу в его руках, на мгновение забыв, зачем пришел:

— Читать так поздно — вредно для глаз.

Чу Чанси: «.....»

Система: «.....этот юный генерал не отличается большим умом».

Е Фэн был ровесником главного героя, но его лицо казалось более юным и изящным. Главный герой в бытность свою маленьким принцем был скрытным и стойким, и лишь перед Чу Чанси проявлял редкую искренность. Е Фэн, будучи правой рукой героя, часто появлялся в записях Системы. Молодой, добившийся власти, он был склонен к высокомерию и импульсивности.

Чу Чанси, услышав, что тот вернулся лишь ради этого, равнодушно вернулся к книге:

— Благодарю за заботу. Поздно уже, господину Е пора отдохнуть.

Е Фэн тут же осознал, какую глупость сморозил, и поспешно подошел, сложив руки в приветствии:

— На самом деле, я пришел по делу. Хотел поблагодарить господина за спасение на судне!

— Пустяки, не стоит благодарности.

Чу Чанси говорил холодно, даже не оторвавшись от страниц.

Как можно назвать спасение жизни «пустяком»?

Е Фэн, видя такое отношение, почувствовал необъяснимую досаду. Он опустил голову и искренне произнес:

— Как бы то ни было, это факт. Я готов отплатить за спасение. Если господину что-то нужно, только скажите, я сделаю всё возможное.

Чу Чанси не стал сразу отказываться, но и не попросил ничего. Он отложил книгу и молча посмотрел на Е Фэна. Его глаза, прозрачные, как горный ручей, были удивительно чисты, в них

не читалось ни капли жадности.

Когда Е Фэн уже решил, что тот ничего не попросит, он услышал:

— Тогда принеси мне вина.

Е Фэн: «.....»

Он не ослышался? Он готов отдать жизнь за кувшин вина?

Е Фэн, чувствуя досаду, внезапно ощутил необъяснимую радость. Его напряженные брови расслабились, уголки губ невольно поползли вверх, а глаза засияли:

— Когда господину нужно?

— Сейчас.

Улыбка Е Фэна мгновенно увяла:

— Какого вина?

— Любого, — Чу Чанси опустил ресницы, пряча лицо в тени, и добавил холодным тоном: — Лишь бы можно было напиться.

Е Фэн: «.....»

После встречи с Чэнь-ваном отношение господина Чу к Его Величеству изменилось. Сейчас уже поздний час, а он не спит, читает при свечах, никого не подпускает, а теперь еще и просит вина, чтобы забыться!

Сердце Е Фэна бешено заколотилось — не от того привычного трепета, а от страха. Господин Чу точно что-то узнал. Даже если память не вернулась, неужели Чэнь-ван рассказал ему о Ливане? Неужели он узнал, что Его Величество лгал ему?

Е Фэн, охваченный тревогой, вытер пот со лба и поспешно убежал за вином.

Система:

— Хозяин, ты не собираешься скрывать то, что узнал от Чэнь-вана?

Чу Чанси снова взялся за книгу:

— Нужно до конца выяснить, что произошло тогда. У тебя мало записей, я не помню, значит, они должны выдать себя сами.

Система понимала, но была обеспокоена:

— Мне кажется, главный герой сходит с ума всё больше.

Хозяин не ответил, продолжая читать, и Системе пришлось замолчать.

...

Е Фэн, выйдя за дверь, нашел вино, но, сжимая кувшин, долго бродил у входа, не решаясь войти. Его Величество всё еще спал, посоветоваться было не с кем. Что будет, если господин Чу узнает о Ли-ване? Е Фэн боялся даже представить.

Как сильно Его Величество любит господина Чу, Е Фэн видел все эти годы. Если господин Чу скажет хоть слово упрека, это может убить государя.

Что будет, если господин Чу восстановит память и узнает, что его любимым был Ли-ван?

Е Фэн не смел об этом думать.

Он метался из стороны в сторону, охваченный тревогой, и, наконец, стиснув зубы, вошел.

Войдя, он увидел, что господин Чу стоит у окна, заложив руки за спину, и смотрит на луну. Его белые одежды в ночи напоминали одинокую белую цаплю у воды.

Услышав шаги, Чу Чанси повернулся. Черные волосы ниспадали на плечи, лицо сияло неземной красотой:

— Почему так долго?

Сердце Е Фэна подпрыгнуло, пальцы, сжимавшие кувшин, побелели:

— Возникли... некоторые дела.

— Вино для меня? — Чу Чанси не стал допытываться, подошел к нему и протянул руку за кувшином. Его прохладные пальцы случайно коснулись тыльной стороны ладони Е Фэна.

В воздухе разлился тонкий холодный аромат. Е Фэн вздрогнул и чуть не выронил кувшин.

Черт, только не влюбиться в него! — выругался он про себя, проклиная свою слабость перед красотой.

Но было ли это просто «слабостью перед красотой»? Е Фэн не мог отвести взгляд от господина Чу. Тот взял кувшин и, выйдя во двор, одним прыжком взлетел на крышу, усевшись на карнизе. Залитый лунным светом, он казался небожителем, сошедшим на землю. Е Фэн стоял внизу, глядя на него, и не мог не признать: он был очарован им уже давно.

— Что это за вино? — Чу Чанси снял печать и, приняв хавшись, с любопытством посмотрел на Е Фэна.

Е Фэн почувствовал гордость, что смог заинтересовать господина Чу:

— Это вино не из дворца, я привез его из города.

— Хорошее вино. Благодарю.

Чу Чанси сделал глоток, и в его холодном голосе, казалось, прозвучали нотки удовольствия.

Когда он смотрел вниз, черные волосы падали на лицо, а брови, освещенные луной, напоминали тот самый облик, что он видел, когда Чанси на коне целился в него мечом.

Е Фэн, глядя на него снизу вверх, глупо улыбнулся:

— Главное, что господину нравится.

Если что-то является правдой, долго ли это можно скрывать?

Е Фэн не стал подниматься, он стоял внизу, глядя, как тот пьет, как развеваются на ветру полы его одежд. Тревога о восстановлении памяти господина Чу почему-то улеглась. Вспомнив о предложении сановников насчет свадьбы, Е Фэн сказал:

— Господину не стоит обращать внимание на слова сановников. Если вы не хотите, Его Величество никогда вас не принудит.

Чу Чанси, обнимая кувшин, безучастно посмотрел на него:

— Я, конечно, не придаю этому значения, но...

Сердце Е Фэна сжалось:

— Но что?

— Но я совсем не помню того, о чем они говорили. Мне даже неловко принимать их благодарность.

— Как можно говорить о неловкости? Ведь всё это действительно совершили вы. — Е Фэн, видя его виноватое лицо, сделал шаг вперед.

Чу Чанси поджал губы и бросил кувшин вниз. Е Фэн поймал его, а Чу Чанси произнес:

— В моей памяти этого нет, как же я могу считать это своим опытом?

Это...

— Однако... из их обрывочных фраз я понял, что делал раньше.

Сердцу Е Фэна стало больно. Они скрывали правду, думая, что так лучше, но никогда не задумывались, что господин Чу, живя с неполной памятью, неизбежно будет сомневаться, подозревать, тосковать... А все вокруг лгали ему. Как же беспомощен он был.

Е Фэн долго смотрел на него снизу вверх, не зная, что ответить.

Чу Чанси не ждал ответа. Вспомнив нечто, он серьезно спросил:

— Ты знаешь, что сейчас с Вэй Ци?

С момента возвращения во дворец он еще не видел его.

— Он? — Е Фэн вспомнил, как Его Величество чуть не свернул шею Вэй Ци за то, что тот потерял господина, и лишь ради самого господина Чу пощадил его. — Он ранен, восстанавливается. Господину не стоит беспокоиться.

Чу Чанси заботится о своем охраннике, но равнодушен к израненному государю. Видимо, он всё же что-то узнал. Что будет, когда Его Величество очнется?

— Поздно уже, господину стоит отдохнуть.

Чу Чанси прыгнул вниз. Е Фэн заметил, что тот уже захмелел: его белое лицо слегка покраснело, выглядя невероятно соблазнительно. Е Фэн, чувствуя, как сердце колотится в груди, отступил на полшага:

— Господину нужно... отдохнуть. У меня дела, я не буду мешать.

Сказав это, он развернулся и убежал, спотыкаясь на ходу.

Чу Чанси: «.....»

Он хотел было попросить оставить остатки вина, но человек уже исчез.

Система:

— Хозяин, ты и вправду собираешься раскрыться перед главным героем?

Чу Чанси вернулся в комнату:

— Еще не время. Сначала нужно спасти Ли-вана.

— Спасти Ли-вана? — голос Системы взвился на октаву. — Зачем его спасать? Если спасешь, этим подтвердишь, что тогда предал героя ради него! Как же мы выполним задание?

Чу Чанси вошел во внутренние покои:

— Исходя из «правды», которую я якобы знаю, я не могу его не спасти.

Система:

— Что ты узнал?

Чу Чанси:

— Узнал, что любил Ли-вана, что тогда выбрал его, оставив Чжао Цзинъюя, и даже наложил на себя Гу Жизни и Смерти, связав свою судьбу с его. В такой ситуации как его не спасти?

Система: «.....»

Оказывается, хозяин имел в виду «правду», которую видят окружающие.

Значит, он согласился встретиться с сановниками и не возражал против свадьбы лишь для того, чтобы подтолкнуть Чэнь-вана к действиям?

...

На следующее утро, когда Чу Чанси проснулся, главный герой, казалось, уже давно был в сознании. Но в этот раз он не позвал его, и лишь спросив Чунь Ши, Чу Чанси узнал, что Его Величество велел не беспокоить господина.

Чу Чанси, не придав этому значения, взял меч и вышел во двор тренироваться.

Система была в недоумении. В архивных записях главный герой во сне страдал, сжимался в комок, дрожал и звал хозяина...

Звал его снова и снова, словно находясь на грани смерти и взывая к единственному спасителю.

Но проснувшись, не захотел его видеть. Что это значит?

— Что делает главный герой? — Чу Чанси отвлекся от тренировки. То, что тот так долго не ищет его, действительно было неожиданно.

Система показала запись:

— Главный герой проснулся, вызвал Е Фэна, чтобы узнать, что было ночью. Они решили, что господин что-то узнал, но герой велел Е Фэну не говорить господину, что он догадался. После этого он долго молчал, а потом, вопреки советам лекарей, отправился в темницу.

...

До этого Чжао Цзиньюй никогда не желал, чтобы путь в темницу был длиннее. Он хотел, чтобы у этой лестницы не было конца, чтобы не пришлось сталкиваться с реальностью, от которой он был в отчаянии.

Этой ночью он вспомнил многое. Чем прекраснее было прошлое с Чанси, тем больнее оно теперь ранило. Он не понимал, почему Чанси вдруг разлюбил его.

Почему вдруг полюбил Третьего принца и отверг его?

Неужели всё было ложью? Неужели даже те дни нежности после потери памяти были лишь игрой?

Он не понимал, но даже если не понимал — теперь это уже не имело значения.

В этот раз Чжао Цзиньюй прибыл сюда в состоянии, более жалком, чем когда-либо прежде.

Его лицо было мертвенно-бледным, от него исходило ощущение безысходности, словно от самого дна бездонной пропасти. В то же время человек, которого он здесь заточил, выглядел в тысячи раз лучше.

Одежда Чжао Цзинье была опрятной, и если не считать железных оков на запястьях, он беззаботно прислонился к стене. Его черты лица, столь похожие на черты Чжао Цзинъюя, за это время заметно разгладились: теперь он выглядел свежим, с приподнятыми бровями и спокойным видом человека, пребывающего в собственном доме.

— И что это значит? — насмешливо произнес Чжао Цзинье.

Он оглядел того, кто каждый раз, приходя сюда, впадал в неистовство, пыша такой яростью, будто жаждал его смерти. Но сегодня Чжао Цзинъюй был пугающе спокоен. Его черные глаза, глубокие, как омут, казались бездонными, но в них больше не было той ревности и жажды крови, с которыми он смотрел на него раньше.

Очень странно.

Чжао Цзинье поднялся на ноги, и цепи отозвались звонким лязгом, эхо которого разнеслось по каменным стенам, почти больно ударив по ушам. Он сделал несколько шагов вперед и увидел, что его младший брат до невозможности бледен. Даже не подходя близко, можно было почувствовать исходящую от него скорбь, отчаянную и смертельную.

Чжао Цзинье насмешливо спросил:

— Что случилось? Что произошло?

Что произошло?

Вероятно, Чанси уже узнал о твоём существовании.

Пальцы Чжао Цзинъюя, опущенные вдоль тела, слегка дрогнули.

— Неужели Чанси тебя бросил? — не унимался Чжао Цзинье.

Да, именно так. Скоро он все вспомнит и вскоре оставит его одного.

Увидев, что Чжао Цзинъюй стоит с отсутствующим видом, Чжао Цзинье медленно перестал улыбаться.

— Чанси пришел в себя?

На этот раз Чжао Цзинъюй наконец кивнул.

Чжао Цзинье пришел в неистовый восторг и резко подался вперед, отчего цепи снова зазвенели:

— Тогда немедленно приведи его ко мне!

Сказав это, он понял, что сморозил глупость. С чего бы этому человеку добровольно показывать ему Чанси? Если бы он не рассказал ему о Гу Жизни и Смерти, тот, скорее всего, уже давно разорвал бы его на куски.

Он прикусил губу, подавил улыбку и глухо произнес:

— Вижу, ты все эти дни хотел, чтобы я остался в живых, значит, ты уже поверил, что мои слова — правда. Чанси всегда любил только меня, так что оставь свои несбыточные мечты.

Да, он всегда жил несбыточными мечтами, всегда!

Сердце Чжао Цзиньюя пронзила тупая боль, словно раны на теле начали медленно расходиться, и сквозь одежду проступила теплая кровь. Ему вдруг стало холодно — невыносимо холодно и больно. Но посреди этой раздражающей боли он вдруг тихо усмехнулся:

— Тогда я... уступлю его вам.

Чжао Цзинье замер.

Уступишь?

Стоявший неподалеку Е Фэн вздрогнул.

Кажется, пять лет назад Его Высочество уже говорил эти слова!

В то время, когда Чу Чанси только ушел, для Его Высочества настали самые тяжелые дни. Его лишили титула наследного принца, покойный император был в ярости, и последствия коснулись многих. Окружающие, боясь попасть под удар, поспешили откреститься от него — он остался в полном одиночестве. Но больше всего Его Высочество не мог вынести того, что Чу Чанси бросил его. Он днями напролет харкал кровью от сердечной тоски и топил горе в вине. Однажды во Дворце Хуань случился пожар. В тот период даже евнухи и слуги разбежались по другим хозяевам, все в гареме сторонились его, как ядовитой змеи. К тому времени, как пожар заметили, пламя уже стало почти неуправляемым.

Но тогда Его Высочество сидел в море огня и не желал уходить. Его одежда, казалось, не менялась несколько дней, на груди виднелись пятна вина и запекшаяся кровь, волосы растрепались, вид был крайне жалкий. Однако он сидел с прямой спиной перед столом и писал портрет.

На портрете был изображен юный господин Чу: в белых одеждах, с нефритовым гребнем в волосах, с бумажным зонтиком в руках, он тихо ждал кого-то в густом снегопаде.

Жизнь, если бы она всегда была такой, как в первую встречу.

Его взгляд был сосредоточен, каждое движение кисти — старательным и привычным, словно он рисовал это тысячи раз. Но каждый раз он делал это с таким благоговением и жаром. Огонь уже подступил близко, всполохи пламени отражались на бумаге, из-за чего человек на портрете казался окрашенным в кроваво-красный цвет. Но он все так же невозмутимо сидел там, лишь глядя на изображение, на его лице появлялась нежная улыбка. На фоне его бледного, изможденного лица и бушующего позади огня, его глаза казались глазами демона, питающегося человеческой кровью.

В тот момент даже Е Фэн засомневался, не сошел ли его господин с ума.

— Ваше Высочество, если мы не уйдем сейчас, потом уже не получится, — стоящий на коленях рядом Ван Цин был весь в слезах.

Но рука Его Высочества продолжала макать кисть в тушь, он поправлял рукав и рисовал. Глядя на человека на портрете, он слегка улыбнулся — невинно и удовлетворенно — и негромко ответил:

— Уходите. Мой Чанси хочет устранить препятствия для того, кого любит, и отправить меня на смерть... Я так сильно его люблю, как же я могу не исполнить его желание?

Это был первый раз, когда Е Фэн увидел, как наследный принц, всегда скрытный, жестокий и расчетливый, внезапно захотел отказаться от всего, даже от жизни, лишь бы исполнить желание одного человека. Он верил, что слова Его Высочества — не пустой звук; он даже подумал, что этот пожар мог быть устроен самим принцем намеренно.

Его Высочество смотрел на человека на портрете с нежной улыбкой. Его кисть двигалась медленно, в каждый мазок он вкладывал всю свою любовь. Вся его нежность, казалось, принадлежала лишь тому, кто был на бумаге. В его глазах не было сожаления, обиды или ненависти — только облегчение, удовлетворение и странная, переполняющая его радость, отчего блеск в его глазах был ярче, чем бушующее позади пламя.

— Желание Чанси я исполню, — говорил принц, продолжая рисовать. — Почему он не понимает? Зачем ему мучить себя, притворяясь рядом со мной, зачем ему с таким трудом лгать мне и скрывать правду? Стоило ему попросить, и разве я бы не отдал? И эту Поднебесную... И саму свою жизнь. Разве есть что-то, с чем я не мог бы расстаться?

Е Фэн, стоя на коленях, ошеломленно смотрел на Его Высочество. Бледный, доведенный до отчаяния, но улыбающийся с такой нежностью — это противоречие делало его жалким и достойным сострадания.

— Ваше Высочество, вы действительно хотите сейчас сдаться? — Е Фэн прикусил губу. Жар приближался, густой дым душил, становилось трудно дышать. — Возможно, есть какая-то тайна, еще не все ясно. Можно ведь найти господина Чу и спросить его во всем прямо.

Да что тут спрашивать?

Чжао Цзиньюй своими глазами видел близость Чанси с третьим братом. Хотя в этой беде с Гу Чанси и признался, что сделал это сам, даже если это было не так, по уликам можно было понять, что это дело рук партии третьего брата. Раз Чанси выбрал его, то если эта партия победит, третий брат выживет, а если он сам победит — третий брат умрет.

Как он мог допустить, чтобы Чанси грустил?

Даже если бы Чу Чанси поранился хоть немного, он готов был принять эту боль на себя, в тысячи раз сильнее. Чжао Цзиньюй всю жизнь ценил его выше всего на свете, включая самого себя.

— Не нужно, — Чжао Цзиньюй наконец отложил кисть и слегка подул на еще влажную тушь. Взгляд, которым он смотрел на портрет, был взглядом человека, нашедшего единственный свет в своей тьме. — Если я умру, это примирит их. Третий брат, став императором, сможет лучше защитить Чанси. Таково его желание.

Он сидел там, тихо глядя на портрет, словно видел перед собой живого человека, с удовлетворенной улыбкой. Огонь уже подобрался к его ногам, языки пламени вот-вот готовы были лизнуть полы его халата, но он словно этого не чувствовал.

Смерть в огне...

От одной мысли о том, какую боль придется пережить, у Е Фэна мороз пробежал по коже. Не в силах сдержаться, он разрыдался:

— Ваше Высочество, даже если вы хотите... не обязательно таким способом... Огонь... это же... как больно!

Чжао Цзиньюй невозмутимо улыбнулся. Его одежда была в беспорядке, лицо измазано в саже, но глаза светились мягким светом.

— Огонь — это хорошо. Во-первых, он сожжет все прошлое между мной и Чанси, и никто не сможет использовать его против него. Во-вторых, я не хочу, чтобы моя смерть выглядела подозрительно, иначе это спишут на третьего брата, а я не хочу доставлять Чанси лишних хлопот. Если этот пожар во Дворце Хуань все очистит, мой Чанси сможет жить чисто и безмятежно. Он будет с тем, кого любит, и получит желаемое. Разве не прекрасно?

Е Фэн был в ужасе: принц даже перед смертью думал о господине Чу. Но...

— Господин Чу ведь не узнает, что вы для него сделали! Что это даст?

Но Чжао Цзиньюй лишь смотрел на портрет. Заметив что-то, он снова взял кисть и добавил на пояс человека на портрете нефритовую подвеску. Это был облик Чу Чанси в их первую встречу, хотя тогда у юноши еще не было этой подвески.

— Не нужно, чтобы он знал. Если ты еще считаешь меня своим господином и благодарен за то, что я когда-то тебя приметил, после этого пожара сделай так, чтобы никто из знавших правду не проронил ни слова. В случае необходимости — убить без пощады.

Е Фэн молчал.

— Уходите, — Чжао Цзиньюй взглянул на Ван Цина, который все еще всхлипывал, а затем обратился к Е Фэну. — Если не уйдете сейчас, будет поздно. Сегодня я доверяю лишь вам двоим, я очень благодарен. Мне достаточно умереть одному, уходите скорее.

Сказав это, он опустил голову, глядя на рисунок. Дым становился гуще, Чжао Цзиньюй невольно закашлялся. Кашель был таким сильным, что сквозь пальцы просочилась кровь и капнула на портрет. Белоснежный образ на бумаге вмиг стал похож на яркий красный цветок, распустившийся на вершине заснеженной горы.

Чжао Цзиньюй в панике попытался стереть пятно, но чем больше тер, тем сильнее оно расплывалось. Человек на портрете окончательно скрылся за кровавым пятном, его очертания исчезли. Наконец, спокойная и нежная маска Чжао Цзиньюя треснула, обнажив израненную, полную боли душу.

— В этой жизни я получил не так много, и просил не о многом. Лишь Чанси... мне так не хотелось расставаться с ним, — Чжао Цзиньюй говорил, его ресницы дрожали, и слезы беззвучно покатались по щекам. Капли падали на портрет, размывая красный цвет еще сильнее. Он смотрел на то, как образ возлюбленного исчезает, и улыбался — горько и больно. — Как же я хочу увидеть его еще раз...

Он так хотел услышать, как тот скажет хоть слово, пусть даже без капли чувств, пусть даже с притворством и скрытым умыслом. Чжао Цзиньюй отчаянно хотел увидеть его, но даже этот призрачный образ на портрете не желал подчиниться его воле.

Разве боль от огня могла сравниться с болью в его сердце?

Е Фэн, глядя тогда на человека, беззвучно плачущего над окровавленным портретом, был уверен, что тот погибнет в этом огне. Что бы он ни говорил, Его Высочество не отступил бы.

К счастью, в последний момент ворвался Вэй Ци, который дал всем шанс на спасение. Принц отправил всех своих тайных стражей, подчинявшихся только ему, защищать господина Чу и следовать его приказам. Но то, что Вэй Ци вернулся сейчас, означало, что случилось что-то непредвиденное.

Даже Чжао Цзиньюй, встревожившись, спросил, что произошло.

Вэй Ци доложил, что господин Чу по неизвестной причине потерял рассудок, став подобным слабоумному. Только это заставило принца выйти из огня и в спешке заняться расследованием.

Принц был готов умереть ради господина Чу, а позже — бороться за жизнь тоже ради него. Он понял, что Ли-вану нельзя доверять, что в деле господина Чу скрыта тайна. Он больше не хотел умирать ради них, он начал строить планы по захвату престола. Он вырвал господина Чу из рук Ли-вана и заточил самого Ли-вана в темницу — вероятно, надеясь выведать, почему господин Чу стал таким, но Ли-ван упорно молчал.

Те пять лет принц был одержим только господином Чу. Что ему была безопасность мира или народ Великого Чжао? Казалось, его это совершенно не волновало. Постепенно его сдержанный и скрытный характер стал переменчивым, жестоким и властным.

Чтобы вернуть господину Чу сознание, Его Величество испробовал все методы. В конце концов, услышав слова нищего на улице, он отправился к той горе. Ровно сто с лишним ступеней — он преодолевал их с поклоном на каждой, как подобает Сыну Неба, пока его лоб не превратился в кровавое месиво, и только тогда единственный монах в древнем храме открыл ему двери.

Е Фэн тогда думал, что нищий и старый монах — шарлатаны. Зажечь тысячу ламп, начертать на ладонях кровью сутры и амулеты... Разве можно так вернуть душу человека? Но кто бы мог подумать, что Его Величество проведет там больше месяца, искренне выполнит все обряды, и по возвращении во дворец господин Чу действительно придет в себя.

Хотя он и потерял память, Е Фэн считал это даром небес, шансом для Его Величества и господина Чу начать все сначала.

Но теперь...

Сделав круг, все, казалось, вернулось на круги своя. Тот же огонь, разгорающийся позади, готовый поглотить его, и тот же принц, улыбающийся и говорящий:

— Я... уступлю его вам.

<http://bllate.org/book/19901/1959225>